

Е. Ю. КОСЕВИЧ

Мексика

В СИСТЕМЕ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
КООРДИНАТ
НАЧАЛА XXI ВЕКА

Екатерина Косевич

**Мексика в системе
геополитических
координат начала XXI века**

«Нестор-История»

2020

УДК 327
ББК 66.4

Косевич Е. Ю.

Мексика в системе геополитических координат начала XXI века /
Е. Ю. Косевич — «Нестор-История», 2020

ISBN 978-5-4469-1716-7

В работе рассмотрены основные тенденции международной деятельности Мексики в первых двух десятилетиях XXI в., а также ведущие тренды социально-политического развития этой крупнейшей латиноамериканской страны. Автор стремился показать, что Мексика не только претендует на роль регионального лидера, но и все более активно подключается к решению основных проблем мировой политики, где она подчеркнуто занимает независимые и самостоятельные позиции. Сумеет ли Мексика довести до конца этот «разворот» от США, безвольным и к тому же бесцветным «союзником» которых принято было считать эту страну, к Латинской Америке, некогда утраченные позиции в которой она пытается восстановить? Ответ на этот вопрос и стал главной задачей автора работы. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся современной Мексикой, а также проблематикой взаимоотношений Латинской Америки и США. Отдельные разделы исследования могут найти свое практическое применение в преподавании учебных курсов, использоваться для подготовки спецкурсов и программ в системе высшей школы. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 327

ББК 66.4

ISBN 978-5-4469-1716-7

© Косевич Е. Ю., 2020
© Нестор-История, 2020

Содержание

Введение	8
Глава 1	11
1.1. Внешнеполитические концепции в политической мысли Мексики на рубеже XX-XXI веков	11
1.2. Приоритеты мексиканской внешней политики	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Екатерина Косевич

Мексика в системе геополитических координат начала XXI века

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Международная лаборатория исследований мирового порядка и нового регионализма
Факультет мировой экономики и мировой политики

National Research University Higher School of Economics
International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism
Faculty of World Economy and International Affairs

Ekaterina Yu. Kosevich
MEXICO IN THE SYSTEM OF GEOPOLITICAL COORDINATES OF THE BEGINNING
OF THE 21st CENTURY
Nestor-Historia Moscow • Saint Petersburg 2020

© Косевич Е. Ю., 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020
Ekaterina Yu. Kosevich

Mexico in the system of geopolitical coordinates of the beginning of the 21st century. –
Moscow ; Saint Petersburg : Nestor-Historia, 2020. – 312 p.

The paper considers the main trends in the international activity of Mexico in the first two decades of the 21st century, as well as the leading trends in the socio-political development of this largest Latin American country. The author shows that Mexico not only claims to be a regional leader, but is also increasingly involved in solving the main problems of world politics, where it pointedly takes up the independent and self-sufficient positions. Will Mexico finally manage to complete this “U-turn” from the United States to Latin America, the once lost position which it is trying to restore? The answer to this question was the main task of the author of the work.

The book is addressed to a wide circle of readers interested in the politics of contemporary Mexico, and in the problems of relations between Latin American countries and the United States. Certain sections of the study can find their practical application in the postgraduate education courses and can be used to prepare special courses and education programs.

© Ekaterina Yu. Kosevich, 2020

© Publishing house “Nestor-Historia”, 2020

Введение

Начало нового тысячелетия сопровождалось всплеском предвкушения внушительных перемен, связанных с переходом на новый уровень мирового развития. От этой «благоприятствующей эпохи» человечество ожидало исключительно позитивного начала – прекращения конфликтов, формирования согласованного и уважительного международного диалога, завершения войн за энергоресурсы, ликвидации ядерного оружия и социально-экономического неравенства между людьми.

Но этим надеждам не суждено было сбыться. Вместо «благоприятствующей эпохи» мир вступил в «эпоху турбулентности», характеризующуюся изменениями с очевидным знаком «минус» – экономическими и социально-политическими потрясениями, а также геополитическими и цивилизационными сдвигами. К этому добавились и новоприобретенные, и потому еще незнакомые проблемы глобального общества, такие как международный трансграничный терроризм и разрастающаяся угроза экологического и энергетического кризисов.

Окончание «холодной войны» превратило Соединенные Штаты Америки в единственную на планете сверхдержаву, мощнейшую страну с самой крупной в мире экономикой. В качестве символа процветающего капитализма США стали обладать очевидным политическим и военным превосходством как над всеми своими возможными конкурентами, так и над ближайшими соседями по региону – странами Латинской Америки.

В этом контексте неудивительно, что именно Мексика из всего «массива» латиноамериканских стран традиционно находится в фокусе повышенного интереса как отечественных, так и зарубежных исследований, анализирующих основные тенденции глобальной политики.

История отношений США и Мексики полна конфликтов и противоречий. Война 1846-1848 гг., ознаменовавшаяся беспрецедентной в мировой истории и чудовищной по своим масштабам аннексией Соединенными Штатами более половины мексиканской территории. Периодические военные интервенции США во время мексиканской революции 1910-1917 гг., бойкот нефти страны ацтеков Соединенными Штатами и Великобританией после национализации разрабатываемых ими месторождений в 1930-е гг., периодические депортации мексиканцев из перешедших к США бывших территорий страны – эти и ряд других факторов породили по-настоящему «особые отношения» между этими соседствующими странами.

Однако начало XXI в., оправдав свое название «эпохи турбулентности», внесло свои собственные корректировки в контуры геополитических и геоэкономических измерений мексикано-американского взаимодействия. Сначала события 11 сентября 2001г., подрвавшие незыблемость главенства США в системе международной безопасности, а затем мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 г., постепенно привели к заметному падению престижа и влияния Соединенных Штатов. Все это стало по-своему переломным моментом для правящих элит Мексики, подтолкнув ее к осознанию необходимости пересмотра сложившихся мексикано-американских связей.

Автор предлагаемого вниманию читателя нового исследования предприняла попытку комплексного анализа ключевых глобальных и региональных направлений мексиканской внешней политики в контексте изменений международной среды, произошедших в течение первых двух десятилетий XXI в. В работе впервые в отечественной американистике дается актуальная и многосторонняя оценка отношений Мексики с ее важнейшими региональными и внерегиональными партнерами в начале XXI в.

Что касается анализа особенностей развития отношений в Западном полушарии в начале нового века, то перед автором стояла непростая задача. С одной стороны, исследовать трансформации мексикано-американского взаимодействия, произошедшие как в позитивную, так

и в негативную сторону, с другой – рассмотреть итоги и перспективы запущенного процесса сближения Мексики со странами Латинской Америки.

Автор стремилась показать, что Мексика действительно пытается довести до конца этот «разворот» от США, безвольным и к тому же бесцветным «союзником» которых принято было считать эту страну, к Латинской Америке, некогда потерянные позиции в которой она пытается восстановить. Мексика не только претендует на роль регионального лидера, но и все более активно подключается к решению основных проблем мировой политики, где она подчеркнуто занимает независимые и самостоятельные позиции. В работе впервые в отечественной науке дается комплексная оценка итогов внешнеполитического курса администрации Э. Пеньи Ньето, срок полномочий которого истек 1 декабря 2018 г.

Специальный раздел монографии посвящен исследованию теоретико-методологических основ внешней политики, определению базовых понятий и концепций, необходимых для последующего изучения современного внешнеполитического курса Мексики. Это представляется вполне оправданным, ведь в этой части работы автор рассматривает главные теоретические концепции международных отношений, доминирующие среди мексиканских исследователей. В свою очередь, приводятся ключевые принципы внешней политики, основанные на постулатах важнейших внешнеполитических доктрин, порожденных мексиканской дипломатией, в свою очередь тесно связанных с историей страны.

Отдельная глава работы отводится этапам развития главных вне-региональных направлений современного мексиканского внешнеполитического курса, способных оказать заметное влияние не только на региональную, но и на мировую политику. Ведь именно в начале XXI в., в «эпоху турбулентности», ориентация исключительно на Соединенные Штаты Америки была поставлена под сомнение. Это привело к тому, что постепенно Мехико пришел к осознанию необходимости активизации внешнеполитического взаимодействия не только со странами Латинской Америки, но и с Китаем и Испанией, анализ эволюции развивающихся отношений с которыми и предлагается читателям.

Несмотря на то, что монография ориентирована прежде всего на исследование мексиканской внешней политики, в ряде параграфов значительное внимание уделено экономическим аспектам. И это объясняется рядом причин. Во-первых, обращаясь к постулатам теории марксизма, не стоит забывать, что «политика есть концентрированное выражение экономики, и политика не может иметь первенства перед экономикой». И во-вторых, современное развитие большинства национальных экономик уже не может ограничиваться масштабами одной или нескольких стран, что неизбежно влечет за собой глобальный пересмотр внешних экономических ориентиров.

Не остались без внимания автора и особенности формирования внешнеполитического курса во время начала президентства А. Лопеса Обрадора (он занял этот пост 1 декабря 2018 г.), представителя левого движения MORENA. Несмотря на то, что в его предвыборной кампании внешняя политика оставалась далеко позади внутренних проблем страны, новоявленный глава Мексики уже столкнулся с необходимостью решения ряда «взрывоопасных» вопросов, влияющих на положение этой страны в геополитическом раскладе конца второго десятилетия XXI в.

Основные вопросы, на которые автор предприняла попытку ответить: «Какое место занимает Мексика в мировой политике и какую роль она способна играть в ближайшем будущем? Какие ее внешнеполитические устремления способны все же увенчаться успехом в предстоящие десятилетия XXI в., а какие из них лишь мнимы и призрачны? Какое значение имеют мексикано-американские отношения в запущенном процессе создания многополярного мира? Какую роль играют Соединенные Штаты Америки как в определении внешнеполитических приоритетов Мексики, так и в формировании ее международного имиджа?»

В предлагаемом вниманию читателя исследовании присутствует комбинирование разработок отечественных и зарубежных академических исследований, посвященных изучению внешней политики этой влиятельной латиноамериканской страны. При подготовке монографии автор опиралась на свой личный опыт двухлетней учебы в Мексике, работы в Латинской Америке и многолетнего сотрудничества с посольствами латиноамериканских стран в РФ.

Автор не ставила перед собой задачу дать точный прогноз того, куда поведет Мексику ее новый президент, и предсказать сценарий будущего этой страны на ближайшее десятилетие. Обозначить ключевые тренды, с одной стороны, глобализации и западнизации, с их многообещающими и заманчивыми перспективами, а с другой – внутрирегионализации, путь к которой тернист и непредсказуем, но призы за успехи в которой действительно «стоящие» – вот главная задача, с которой попыталась справиться автор. В какой мере это удалось автору, судить читателю.

Глава 1

Теоретические аспекты внешней политики Мексики

1.1. Внешнеполитические концепции в политической мысли Мексики на рубеже XX-XXI веков

Начало активного развития политической науки в Мексике пришлось на окончание Второй мировой войны, что объяснялось появлением новых потребностей внешнеполитических курсов стран, вышедших из нее победителями. Каждая из них начала играть особую роль в новом международном порядке, и, в частности, ближайший сосед Мексики – Соединенные Штаты Америки. Это привело к тому, что возникла потребность в специализированных исследованиях, способных всесторонне изучить задачи и функции новоявленных международных организаций, роль различных географических районов, а также разработать комплексную внешнюю политику. Окончательно же политология сформировалась в Мексике уже в начале холодной войны из поисков путей укрепления власти в конфликтном мире, требующем реалистичного видения способов решения новоприбывших проблем. В свете указанных практических соображений и были выявлены доминирующие темы и подходы молодой науки.

В 1970-е гг. мексиканскими исследователями был сделан вывод о том, что изучение политики по своей природе в большей мере является прикладной, нежели чистой или базовой наукой. Политологию они сравнивали с областями медицины, такими как патология, берущую за основу открытия чистых наук, конечной целью которой является восстановление физического или психического здоровья. Проводилась прямая аналогия между патологией и политической наукой, миссией которой было, в свою очередь, восстановление здоровья общественного и международного. Особо акцентировалось, что политология изучает именно практическое применение конкретных политических стратегий. В этом контексте утверждалось, что исследование различных аспектов международной политики является предметом изучения ориентированной науки, направленной на выявление и решение конкретных и актуальных проблем, берущей за основу методы и открытия других социальных наук. При этом необходимо ограничение ее теоретической базы в значительно большей степени, нежели это допустимо в других науках, что превращает политологию в более практичную и менее абстрактную дисциплину. Обращалось внимание и на то, что политологам следовало избегать как неактуального чрезмерного теоретизирования, так и злоупотребления позитивистской позицией, которая для многих исследователей в Латинской Америке длительное время служила в качестве основы политической науки.

Кроме того, стоит отметить, что развитие в Мексике общественных наук представало тесно взаимосвязанным с конкретными ценностями и интересами, способствующими появлению различных подходов и теорий. В этой связи мексиканская политология обращалась к концепции объективности в социальных науках М. Вебера, трактовавшейся в терминах отношения к ценностям с позиций доминирующей культуры и разделяемых ею идеалов и традиций, не являющихся абсолютными. Такими образом, мексиканская политология стала опираться на тезис о том, что ее основой, как автономной дисциплины с собственной областью исследования, выступают именно практические соображения. Это является примером того, как развитие социальных наук в Мексике коррелировало с эволюцией ее национальных интересов, а также с постоянством исторически и культурно обусловленных ценностей. Одним словом, мексиканская политология – это самостоятельная научная дисциплина, чья объективность, темы и концептуальный аппарат обусловлены, прежде всего, специфичным отношением к ценностям.

Доминирующие темы и подходы к изучению международных отношений мексиканских ученых заметно отличаются от тем и подходов, господствующих в развитых странах, сформировавшихся в контексте их борьбы за власть и мир. А такие критерии *policy of détente*, политики разрядки, как «баланс сил» и «стратегическая безопасность», никогда не считались наиболее подходящими концепциями для изучения международных аспектов с точки зрения мексиканской внешней политики. Традиционно ввиду особого отношения к ценностям в работах мексиканских исследователей фактически игнорировались такие понятия, как «сфера влияния», «гегемонические блоки» и «биполярный конфликт». А трактовка категорий «самоопределение», «развитие» и «суверенитет», широко используемая в Мексике не только учеными, но и политиками и массмедиа, заметно отличалась от их толкования, принятого в США. Отдельно стоит отметить, что понятие «зависимость», столь многозначное для мексиканцев, в латиноамериканской и англосаксонской концепциях международных отношений включали в себя различные характеристики.

Для определения ключевых ценностей, тем и подходов к изучению международных отношений в Мексике, необходимо уточнить конкретную область, которую затрагивали большинство мексиканских исследований на рубеже XX-XXI вв. Ввиду того, что понятие «международные отношения» имеет тенденцию к расширению, и его изучение включает в себя множество мультидисциплинарных элементов, в мексиканской научной литературе выделяются два основных направления: изучение международных отношений в качестве отрасли социологии и изучение международной политики как отрасли политологии¹.

Сторонники социологического подхода считают, что объект изучения международных отношений напрямую связан с развитием международного сообщества и поэтому имеет тенденцию выходить за рамки таких дисциплин, как политология и мировая политика. В его основе лежат концепции политического реализма, согласно которым субъектами взаимодействия в международных отношениях выступают не только государства, но и международные и межправительственные организации, церкви, профсоюзы, а также другие акторы, деятельность которых неявно связана с политикой, такие как транснациональные компании. Кроме того, новые неполитические силы, такие как международная миграция, туризм и незаконный оборот наркотиков, также выступают предметом изучения международных отношений, понимаемых в широком социологическом смысле. Яркими представителями этого подхода выступают мексиканские исследователи А. Г. Коейо и П. Гонсалес Касанова, единогласно отмечавшие, что с момента подписания Североамериканского соглашения о свободной торговле в политической жизни Мексики стала наблюдаться одна важная особенность: несмотря на расхождение ведущих партий во мнениях по поводу занимаемых правительством позиций и внутренней экономической политики, они неизменно оставались едиными в отношении внешнеполитического курса. Именно подписание НАФТА для Мексики дало начало более прагматичной и реалистической международной политике². А известный мексиканский социолог П. Гонсалес Касанова особенно подчеркивал необходимость придерживаться сильной внешней политики, что возможно при создании социально и политически интегрированной страны, в которой, не ослабляя роли государства, развивается «не разделенное, а единое общество»³.

Подобные идеи пересекаются с рассуждениями о глобальном лидерстве, в основе которых лежат претензии Мексики на глобальную роль в международных отношениях. В контексте работ классиков латиноамериканской литературы, таких как О. Сункель и П. Пас, глобализация трактуется в широком смысле, как сложный процесс мировой интеграции стран, который

¹ Mesa R. Teoría y práctica de las relaciones internacionales. Madrid, Tec-nos, 1977. P. 30.

² Cosío A. G. Desbandada hacia el presente: ensayos sobre política y sociedad. UNAM, 1993. P 93.

³ Casanova P. G. Las Nuevas Ciencias y las Humanidades: De la Academia a la Política. Anthropos, Barcelona, España, 2004. P. 478.

включает объединение политической, экономической и культурной сфер⁴. Важно и то, что мексиканская трактовка глобализации тесно переплетается с постулатами экономического неолитерализма, представляющего собой описание современного состояния мира и заменившего другие политически насыщенные концепции, такие как неокOLONиализм или империализм. Через призму диалектического подхода, принимая во внимание то, что глобализация и идентичность непрерывно претерпевают разного рода трансформации в контексте нашей эпохи, в мексиканской политологии Мексика совмещает в себе несколько ролей. В рамках Западного полушария она предстает неким центром, который, с одной стороны, сам существенно зависит от США, ставших ее новой метрополией. С другой стороны, она сама становится «надзирателем» по отношению к странам Центральной и Южной Америки, характеризующимся слабыми и неперспективными районами. При этом, пользуясь своим статусом самой независимой из латиноамериканских стран, которого она добилась еще в 1960-е гг., а также благодаря неизменному позитивному внешнеполитическому курсу Мексика постепенно укрепляет свой авторитет на международной арене.

Политологического подхода в Мексике придерживаются большинство исследований, посвященных международной политике, косвенно принявших концепцию, согласно которой международные отношения отождествлялись с политологией. В своей статье, посвященной изучению международных отношений в Мексике и опубликованной в 1964 г., мексиканский политолог М. Охеда заметил, что «международные отношения в строгом смысле относятся к отрасли политической науки»⁵. По сравнению с международной политикой существенно более ограниченной сферой изучения обладает внешняя политика. Первое понятие охватывает не только межгосударственные отношения, но и всю сеть политических отношений, которые происходят на международной арене. Понятие «внешняя политика» имеет гораздо более точное и конкретное значение, так как речь идет об определенных отношениях между государствами и системами государств, а также экономическими и культурными образованиями. В мексиканской политологии внешняя политика рассматривается, как элемент гораздо более обширной группы международных отношений, где именно государство продолжает оставаться привилегированным актором⁶. Подобно внешнеполитическим исследованиям, реализованным в других странах Латинской Америки, в работах мексиканских политологов неизменно присутствуют три основные темы, наличие которых обусловлено их особым отношением к ценностям. Именно они обусловили появление новых теоретических концепций понимания международной сферы, различных с подходами, преобладающими в Соединенных Штатах Америки и Европе.

Три основные темы характеризуют внешнеполитические концепции Мексики на рубеже XX-XXI вв. Во-первых, наделенная особой значимостью необходимость укрепления национальной и региональной автономии, в большей степени ориентируясь на концепцию сбалансированного распределения функций на международной арене, а не на стремлении в борьбе за власть во что бы то ни стало получить весомые преимущества. Во-вторых, важность содействия и достижения экономического и социального развития. И, в-третьих, первостепенная и преобладающая роль двухсторонних отношений с Соединенными Штатами⁷.

Другие темы, такие как, например, усилия Мексики, направленные на разоружение и поддержание мира на планете, легко вписывались в одну из этих трех доминирующих тем. К примеру, одним из главных аргументов, используемых как мексиканскими политиками, так и

⁴ *Sunkel O., Paz P.* El subdesarrollo latinoamericano y la teoría del desarrollo. México. Prim era edición, 1970. P. 396.

⁵ *Ojeda M.* Problemas básicos en el estudio de las relaciones internacionales. Foro Internacional. 1964. Vol. 5. № 1 (17). Jul. – Sep. P. 84-98.

⁶ *Gerardo Bueno.* México-Estados Unidos. D. F. México: El Colegio de México, 1987. P. 136.

⁷ *Muñoz H.* El estudio de las políticas exteriores latinoamericanas: temas y enfoques dominantes, en Manfred Wilhemly (ed.), La formación de la política exterior. Los países desarrollados y América Latina, Buenos Aires, RIAL, 1987. P. 287-315.

учеными в продвижении глобальной инициативы в области разоружения, стало перенаправление огромных ресурсов, выделяемых на вооружение, на развитие стран третьего мира.

В качестве первого внешнеполитического вопроса, единогласно выделяемого всеми мексиканскими политологами, выступает достижение автономии. Более того, именно степень автономии служит критерием успешности внешнеполитических курсов мексиканских президентов, провалом которых считается возникновение либо усугубление зависимого положения. Центральной выступает идея создания такой международной структуры, в которой цель, преследуемая ключевыми субъектами, не является формой силы, чтобы сделать другого актора подчиненным своим интересам, а, напротив, предполагает поиски состояния свободы от политических, экономических или стратегических интересов, которые не признаются их собственными.

В мексиканской политологии в качестве ключевой концепции анализа внешней политики понятие автономии заменяет более инструменталистское понятие власти. В этом контексте инструменталистская трактовка традиционного понятия власти, о котором писали французский политолог Р. Арон и основатель школы прагматизма Г. Моргантау, явно отличается от широкого толкования власти характерного для мексиканских политологических исследований. В них особо подчеркивалось, что достижение автономии Мексики влечет за собой теоретические, концептуальные и стоимостные последствия, отличные от теоретических предположений, подразумеваемых традиционным анализом международной политики в развитых странах. А ключевая цель автономии заключалась в том, чтобы любая форма зависимости должна быть уничтожена или, по крайней мере, сведена к минимуму.

Большинство латиноамериканских исследований, посвященных проблеме подчиненности и автономии, сходятся во мнениях, что зависимое положение Латинской Америки может быть преодолено при помощи активизации процесса сотрудничества между странами этого региона. В Мексике же выделяется концепция неортодоксальной зависимости, разработанная известным специалистом по мексикано-американским отношениям Х. И. Домингесом, основанная на особенностях международных отношений, сложившихся именно в латиноамериканском регионе⁸. В рамках нее зависимое положение государств поддерживается рядом политических и экономических сообществ, официальных и неофициальных, которые являются прямыми посредниками гегемонистских держав, для того чтобы те могли более эффективно оказывать давление, ограничивая свободу действий национальных правительств.

В свою очередь, выделяется подход структурной зависимости, представленный мексиканскими политологами Р.П. Герреро и С. С. Фуэнтесом⁹. В нем прослеживается отсылка к ортодоксальному марксизму, характеризующему международную капиталистическую систему как структурированное большинство с превосходством. В рамках структурной зависимости подчиненные или периферийные страны играют роль поставщиков сырьевых продуктов и импортеров примышленных и высокотехнологичных товаров, тем самым создавая структурную установку на недоразвитие. Сложившееся положение может быть преодолено лишь посредством революционного взрыва, способного изменить эту сложившуюся систему.

В этом контексте выделяется концепция диверсификации зависимости, которая подразумевает сокращение подчинения единому внешнему центру за счет расширения экономических, политических и культурных контактов с другими центрами. В случае Мексики они могли бы быть созданы Западной Европой, Японией, социалистическими странами и другими

⁸ *Domínguez J.I.* "Consensus and Divergence: The state of the Literature on Inter-American Relations in the 1970's", en *Latin American Research Review*, vol. 13, núm. 1, 1978. P. 87-126.

⁹ *Guerrero R. P.* Algunas consideraciones teórico-metodológicas para el estudio de la política exterior. Facultad de Ciencias Políticas y Sociales, Estudio científico de la realidad internacional: II coloquio internacional de primavera, México, UNAM, 1981; *Fuentes S. S.* La política exterior de México y el nuevo orden económico internacional // *Relaciones Internacionales*, UNAM, FCPS, vol. xi, núm. 32, abril-junio de 1984. P 9-44.

государствами Латинской Америки и третьего мира. В рамках так называемой мексиканской «школы анализа» внешней политики, получившей свое развитие в середине XX в., ключевой особенностью выступает акцентирование различных краткосрочных аспектов внешней политики Мексики, отталкиваясь от главных задач автономии: укрепление независимой внешней политики или же диверсификации зависимости. Согласно исследователям мексиканского Центра экономических исследований и обучения (CIDE) Х. Чабат и А. Р. Круе, поездки мексиканских президентов в различные районы мира, такие как Европа, Китай, Япония, Индия, Югославия и даже страны Латинской Америки, выступают формой диверсификации зависимости¹⁰. В своих совместных исследованиях М. Охеда и Р. Эррера рассматривали деятельность Контадорской группы, будучи механизмом мирного политического урегулирования кризиса в центральноамериканских странах, в качестве важного способа включения Мексики в процессы латиноамериканского сотрудничества. Предполагалось, что итогом участия мексиканской стороны в Контадорском процессе должно было стать развитие многосторонних связей Мехико в рамках региона, а конечной целью – постепенное уменьшение его уязвимости перед Соединенными Штатами.¹¹

Мексиканские специалисты по международным отношениям сошлись во мнении, что именно заданный еще в 1970-х гг. во время президентства Луиса Эчеверриа (1970-1976) внешнеполитический курс стал определенным поворотным моментом для страны, так как впервые базировался именно на внутренних ценностях. Это проявлялось в том, что происходящая диверсификация экономических и политических отношений, связь со странами третьего мира с целью согласования совместных инициатив и приверженность более справедливым и прогрессивным задачам международной политики совместно были способны улучшить переговорную позицию Мексики с США, постепенно сокращая существующую степень зависимости¹².

Автономия и необходимость снижения зависимости извне предстают в качестве ключевых внешнеполитических ценностей и в оригинальных работах известного мексиканского политолога Б. Мабира. В них, связав тему национализма с внешней политикой Мексики, он приходит к выводу, что «борьба за выживание как автономного существа подразумевает непрекращающееся стремление к национальному развитию, которое легитимирует национальную уникальность»¹³.

Приоритетное значение именно достижения автономии и последующего сокращения внешней зависимости подчеркивается почти всеми мексиканскими исследователями-международниками. Определенным исключением из этого правила выступает мексиканский политический мыслитель У. Г. Элисондо. Будучи одним из немногих в Мексике исследователем аксиологических основ автономии, он задавался вопросом: следует ли понимать независимый характер внешней политики как инструментальную ценность в том смысле, что его поддержание служит конкретным задачам и приводит к определенным целям. В итоге он пришел к выводу, что независимая политика оправдана только в том случае, если она в первую очередь идет на пользу национальным интересам¹⁴. У. Г. Элисондо непосредственно связывал

¹⁰ *Chabat J.* El viaje presidencial por Latinoamérica: ¿hacia nuevas formas de cooperación política? en Carta de política exterior mexicana, CIDE, año iv, núm. 2, abril-junio de 1984. P. 2-6; *Chabat J.* El viaje presidencial a Yugoslavia e India y la Reunión de Nueva Delhi, en *ibid.*, año v, núm. 1, enero-marzo de 1985. P. 16-19; *Chabat J.* El viaje presidencial a Japón y China: hacia una nueva política exterior, en *ibid.*, año vi, núm. 4, octubre-diciembre de 1986. P. 3338; *Cruz A. R.* El viaje de Miguel de la Madrid a Europa: ¿diversificación de la dependencia?, en *ibid.*, año v, núms. 2 y 3, abril-septiembre de 1985. P. 53-58.

¹¹ *Ojeda M, Herrera R.* La política de México hacia Centroamérica, 1979-1982. México, El Colegio de México, 1983.

¹² *Pellicer O.* Veinte años de política exterior mexicana: 1960-1980. En Foro Internacional, núm. 82, octubre-diciembre de 1980. P. 155.

¹³ *Mabire B.* El nacionalismo y la política exterior de México. En Elizondo H. G. (comp.). Fundamentos y prioridades de la política exterior de México. México, El Colegio de México, 1986. P. 84.

¹⁴ *Elizondo H. G.* Desequilibrios y contradicciones en la política exterior de México. En Foro Internacional, núm. 96, abril-junio

проблему автономии с проблемой развития. Согласно его теории внешняя политика Мексики должна превратиться в эффективный инструмент, служащий достижению национального экономического развития, а цели и приоритеты ее внешнеполитического курса не должны устанавливаться исключительно на основе политических и идеологических критериев. Перестройка экономики должна стать фундаментальным элементом государственной программы, в соответствии с которой определяются внешнеполитические цели и приоритеты. В свою очередь внешняя политика должна стать частью стратегии преодоления кризиса, как эффективного инструмента содействия экономическому развитию Мексики¹⁵.

В этой связи неудивительно, что в качестве второго приоритетного направления внешней политики выступает обеспечение экономического развития, практически единогласно выделяемое в таковое мексиканскими исследователями. С отсылкой на теорию инструментальной рациональности М. Вебера ряд мексиканских исследователей, преследуя цель проанализировать взаимосвязь между внутренней и внешней политикой, наделяют внешнюю политику функциями легитимирующего средства по отношению к внутренней. Тем самым приоритет неизменно отдается внутривнутриполитическим целям и потребностям, а внешняя политика лишь подчиняется им¹⁶. Ярким представителем такого подхода выступает О. Пелисер.

В контексте марксистской теории мексиканские исследователи особое значение придают инструментальной функции внешней политики, идущей в унисон с целям и приоритетам внутренней политики. Они приходят к выводу, что кажущийся прогрессивизм и относительная автономия внешней политики страны совместно являются инструментами содействия воспроизводству мексиканского капитализма. А главная цель, в том числе и внешней политики – избежать или, по крайней мере, отсрочить антикапиталистическую революцию в Мексике. В рамках этого толкования основной внешнеполитической ценностью выступает не столько автономия Мексики на международной арене, а революционный и антиимпериалистический потенциал, которым располагает рабочий класс. Приверженец этой теории мексиканский политолог Л.Г. Соуеа утверждает, что относительная независимость или своеобразный антиимпериализм, разделяемые правительствами Мексики, отвечает антиимпериалистическим традициям мексиканского народа. В конечном итоге это помогает ограничить рамками международной солидарности появление взрывоопасных настроений, держа их неизменно под контролем государства¹⁷.

Гораздо более сложной и изощренной взаимосвязь между внутренней и внешней политикой представлена в работах мексиканских политологов Х. Чабата, М. Рейеса и Г. Гонсалес. В своих исследованиях они доказывают, как вследствие развития процесса интернационализации мексиканской экономики, наблюдавшегося в XX в., будучи результатом сначала нефтяного бума, а потом и экономического кризиса, события в международной политике стали способны оказывать все большее влияние на состояние мексиканской экономики¹⁸.

Стоит отметить, что в работах мексиканских ученых начала XXI в. традиционное первенство внутренней политики над внешней перестало характеризоваться однонаправленной взаимосвязью, в отличие от исследований середины предыдущего столетия. Это стало прямым следствием роста влияния внешних событий, столь заметных в конце XX в., на внутреннюю ситуацию в стране, что способствовало приданию большего внимания, чем когда-либо ранее,

de 1984. P. 450.

¹⁵ Ibid. P 456-457.

¹⁶ Pellicer O. La política exterior de México: desafíos en los ochenta. México, CIDE, colección Estudios Políticos, enero de 1983. P. 48.

¹⁷ Sousa L. G. La política exterior de México: razones y perspectivas de su faceta progresista. En Relaciones Internacionales, UNAM, FCPS, núm. 38, enero-abril de 1987. P. 47.

¹⁸ Chabat J. Condicionantes del activismo de la política exterior mexicana (1960-1985). En Elizondo H.G (comp.). Fundamentos y prioridades. México, UNAM, 1997; Reyes M, Gonzalez G. Política interna y política exterior de México desde 1950, en Elizondo H.G (comp.). Fundamentos y prioridades. México, UNAM, 1997. P 89-108.

развитию именно международных отношений и играемой Мексикой роли в мировой политике. Происходящий процесс интернационализации, затрагивающий внутреннюю политическую и экономическую деятельность, превратился в среду, в которой стали обсуждаться варианты развития внутренней политики, оказывающей все большее влияние на ориентацию и управление политикой внешней.

В исследованиях Г. Гонсалес при рассмотрении проблем экономического характера подчеркивается приоритетное значение социально-экономического развития. При этом ученый высказывает озабоченность и в отношении сохранения автономии, предупреждая, к чему может привести тенденция мексиканской экономики все больше интегрироваться в экономику США: «В контексте гегемонистской перестройки, снижающей степень международной ответственности, Мексика рискует потерять способность к самоопределению сначала экономическому, а как следствие и политическому. Под вопрос ставится способность внешней политики Мексики продолжать играть свою историческую роль противовеса и фронта сопротивления политике Вашингтона в регионе»¹⁹.

Все вышеупомянутые исследователи так или иначе вновь возвращались к проблеме автономии, рассматривая ее в качестве инструмента для достижения важнейших для Мексики целей, таких как экономическое развитие и внутренняя легитимность. Особое внимание, уделяемое проблеме независимости, отражает специфическое представление о традиционной роли, играемой мексиканской внешней политикой на международной арене. В их работах неизменно подчеркивалось, что главная внешнеполитическая цель Мексики состоит не в демонстрации силы и проявлении контроля действий других участников международной политики, а в том, чтобы посредством своей автономии играть независимую и своеобразную роль в мировом масштабе.

Отсюда вытекает одна из ключевых особенностей внешней политики Мексики, заключающаяся в том, что мексиканский национализм отличается от других тем, что он не стремится ни к экспансии, ни к господству. Мексиканскими политологами единодушно подчеркивалось, что в отличие от агрессивного национализма Мексика никогда не навязывала того, чтобы другие народы жили по примеру ее политических и экономических моделей или же следовали ее традициям культуры. Напротив, в своей внешней политике Мексика стремится к закреплению отношений уважения и дружбы с другими странами, никогда не вмешиваясь во внутренние дела других государств. При этом достижение этих целей не отрицает наличие интернационализма.

Мексиканские исследователи особо акцентировали внимание на том, что истинное международное сообщество должно состоять из мозаики народов, которые уважают существующий плюрализм и поддерживают отношения дружбы и сотрудничества. А самоопределение народов, невмешательство, правовое равенство государств, мирное урегулирование споров и международное сотрудничество в целях развития являются главными принципами внешней политики Мексики. Кроме того, они являются и важнейшей частью политической культуры цивилизованного мира, в котором сосуществуют высокие уровни как цивилизованности, так и варварства.

Равным образом в работах мексиканских политологов заострялось особое внимание на концепции значимости ответственности и баланса интересов всех субъектов международных отношений.

В своих исследованиях, посвященных анализу проблемы внешнего долга, бывшая глава МИД Мексики политолог Р. Грин приводила следующую характеристику занимаемой Мексикой позиции в переговорах по долговым обязательствам государств: «Мексика поддерживает

¹⁹ *González G. La política exterior de México (1983-1985). ¿Cambio de rumbo o repliegue temporal? En H. Garza (comp.). En Elizondo H. G. (comp.). México, UNAM, 1997. P 242.*

партнерство, а не конфронтацию, поиск решений, способных удовлетворить все вовлеченные страны, требуя соблюдения принципа справедливости. Мексика выступает за сохранение гармоничных отношений между всеми участниками мирового сообщества. Наша позиция в этом вопросе является проекцией традиций мексиканской внешней политики, неизменно выступающих за поддержание международного мира, безопасности и равенства»²⁰.

При этом среди мексиканских исследователей широкое распространение получила концепция миропорядка, ориентированного, прежде всего, на равновесие и сотрудничество, а не на конфликт и господство²¹. В рамках нее подчеркивалось, что главная цель международной политики заключается в поиске баланса между противоборствующими блоками, интересами и силами, будучи гораздо шире ее трактовки в качестве «борьбы за власть и за мир», выдвинутой Г. Моргентау. А баланс сил определяется как глобальное равновесие, установленное между вовлеченными сторонами во всех сферах и на всех уровнях их взаимодействия. Вместе с тем, несмотря на то, что человеческая цивилизация развивается в сторону закрепления более высокого уровня гармонии и понимания, все же важно понимать, что глобального равновесия чрезвычайно трудно достичь, поэтому его следует расценивать как идеал, а не как реалистичную и возможную цель.

В контексте теории модернизации категория экономического развития, измеряемая уровнями роста экономики и социально-экономического прогресса, выступает важной внешнеполитической целью, которую разделяет Мексика наряду с другими латиноамериканскими странами. А независимость внешней политики имеет смысл только в том случае, если та задумана как инструмент, преследующий обеспечение экономического роста. Подобная позиция зародилась в 1920-х гг., когда после фазы институционализации Мексиканской революции в течение длительного периода внешняя политика Мексики служила исключительно цели внутреннего стимулирования экономического роста страны. А проектирование на международной арене образа стабильности и прогресса служило средствами для развития экономики.

Поддержание пассивной и изоляционистской внешней политики долгое время играло на руку попыткам достижения внутреннего экономического развития Мексики. Но к 1970 г. новые обстоятельства как внутреннего, так и внешнего характера обусловили переход к новому типу внешней политики, названному в мексиканской литературе «активным»²². При этом в мексиканском внешнеполитическом курсе, несмотря на его явную активизацию, все же выделялось одно направление, где сохранился откровенно пассивный подход: проблема миграции из Мексики в США. В 70-е и 80-е гг. XX в. среди мексиканских политиков и политологов прочно закрепилось мнение о том, что сохранение *status quo* в этом вопросе было лучшим вариантом для обеих стран. Соединенные Штаты подобный подход также устраивал. Мексика же акцентировала внимание на проблеме соблюдения прав мигрантов лишь в рамках международных организаций. С позиции экономики подобный внешнеполитический курс Мексики стал характеризоваться разработкой стратегии расширения и диверсификации рынков и обеспечением фискальных стимулов к экспорту, поскольку считалось, что внутреннее развитие должно было основываться на поиске новых рынков сбыта и равноправном торговом сотрудничестве. При этом с позиции политики подобная стратегия очень быстро продемонстрировала невозможность достижения своей главной цели – развития внутреннего.

К концу XX в. число инициатив и степень участия Мексики на международной арене стали внушительными, в большинстве из которых невозможно было проследить какую-либо возможную пользу для нее самой. Таким образом, в долгосрочной перспективе независимая внешняя политика Мексики представлялась оправданной только в том случае, если она была

²⁰ Rosario Green. México: Deuda externa y política exterior. México, UNAM, 1997.

²¹ Elizondo H. G. La Ostpolitik de México: 1977-1982. En Foro Internacional, núm. 95, enero-marzo de 1985. P. 343.

²² Ojeda M. México: el surgimiento de una política exterior active. México, Sep. 1986. P. 133.

направлена на удовлетворение национального интереса. В широком смысле с отсылкой на постулаты политического реализма термин «национальный интерес» определялся как осознанная потребность государства в развитии, самосохранении и обеспечении безопасности, реализуемая посредством его внешнеполитической стратегии. В Мексике же национальный интерес принято сопоставлять с частной повесткой дня президентов, приоритетами федерального правительства и целями политической партии избранных в правительство.

М. Охеда, выражая мнение большинства мексиканских политологов, подчеркивал, что «независимая внешняя политика сама по себе лишена реализма, по крайней мере, в отношении бедных и слабых стран, живущих в эпоху, когда во главе стоит именно преодоление экономического отставания»²³. А особое значение, приданное решению проблемы экономического развития, прослеживается во внешнеполитических курсах всех стран Латинской Америки. Подобное можно наблюдать как в двусторонних, так и в многосторонних региональных отношениях, тем самым объясняя иное отношение к ценностям по сравнению с позицией американских ученых, ставящих во главу именно стратегические и геополитические проблемы межамериканских отношений.

Большое внимание в работах мексиканских политологов уделяется изучению концепции догоняющего развития. Вступив в 1950 г. в фазу экономического взлета, который продлился до 1981 г., Мексика смогла достичь впечатляющих экономических результатов. Тем не менее столь успешное развитие полностью прекратилось после периода кризисов 1982-1995 гг., несмотря на реализованные реформы, включая либерализацию внешней торговли и инвестиций. С конца XX в. экономический рост Мексики так и продолжил оставаться незначительным, сохранив эту тенденцию и в первых десятилетиях XXI в. В работах Э. Карденаса и Х. Лопес-Кордовы этот феномен рассматривается как проблема глобализации, а не отдельных национальных экономик²⁴. Обращаясь к постулатам классической теории экономического роста, Мексика, как и ряд других стран, вынуждена сталкиваться с проблемой несоответствия результатов догоняющего развития поставленным целям. А повторение мексиканского экономического чуда возможно лишь при наличии более активной и независимой внешней политики, отвечающей требованиям механизма целостности мирового рынка, необходимым подспорьем которого выступает развитие индустриализации и повышение уровня образования, совместно способных привести к уровням доходов, сопоставимыми с США.

Что касается отношений между Мексикой и США как третьего приоритетного внешнеполитического направления, то в исследованиях мексиканских политологов они неизменно представляли одним из важнейших вопросов, несмотря на расхождение во мнениях относительно характера, степени контроля и гегемонии Соединенных Штатов в рамках их взаимодействия со своим ближайшим латиноамериканским соседом. Количество литературы по этой теме огромно так же, как и число подходов²⁵.

Как отмечалось выше, на протяжении всего XX в., а также в начале XXI в. Мексика стремилась развиваться в рамках конкретной политической реальности, объединившей в себе неизбежность, с одной стороны, положения ближайшего соседа Соединенных Штатов и, с другой стороны, наличия высокой степени зависимости от этой сверхдержавы. Отсюда вытекает и неизменная дилемма мексиканской внешней политики, которая заключается в том, чтобы выбирать между двумя основными сценариями: придерживаться своей антиинтервен-

²³ *Ojeda M.* La política exterior de México: objetivos, principios e instrumentos // Revista Mexicana de Política Exterior, IMRED, núm. 2, enero-marzo de 1984. P 66.

²⁴ *Cárdenas E.* La política económica en México, 1950-1994. México: FCE, COLMEX, FHA, 1996. P. 236; *López-Córdova J.* NAFTA and manufacturing productivity in Mexico. Economía 2003. № 4. P 55-98.

²⁵ *Fischer de Figueroa M.* Relaciones México-Estados Unidos: Bibliografía Anual, México, El Colegio de México, 1982, 1983, 1984 y 1985; *Bueno G.* Boletín Mensual Relaciones México-Estados Unidos, México, CIDE, 1989. P 133.

ционистской позиции во внешнеполитическом курсе и при этом стараться не нарушать интересы Соединенных Штатов.

После Второй мировой войны во внешней политике Мексики в рамках ее отношений с США стала доминировать концепция чрезмерного билатерализма, сочетающая в себе активные попытки согласовать преференциальный режим для мексиканских экспортеров, а также стремление заключить ряд соглашений о сотрудничестве для решения пограничных проблем. Обусловлена она была развитием особых отношений, в рамках которых обе страны равноценно нуждались друг в друге. Этот тезис получил свое развитие в работах мексиканских исследователей Л. Мейера и Х. Шиавона²⁶. В политической сфере негласное соблюдение особых отношений работало следующим образом: Вашингтон признавал за Мехико право не соглашаться с его политикой во всех вопросах, которые имели основополагающее значение для мексиканцев, но для американцев таковыми не являлись. Если это способствовало укреплению внутренней стабильности мексиканской политической системы, то США даже были готовы принять позицию несогласия со стороны Мексики. В свою очередь мексиканская сторона активно сотрудничала с Соединенными Штатами по всем вопросам, имевшим преимущественное значение в первую очередь для Соединенных Штатов, а не для самой Мексики. Это объясняло американскую толерантность по отношению к возникшим дипломатическим разногласиям, ярчайшим примером которой был отказ Мексики от разрыва отношений с Кубой в 1964 г.

В течение 1960-х гг., период разрастающегося американского гегемонистского влияния, Мексике удалось сохранить положение относительной независимости по сравнению с остальными странами Латинской Америки. Особые отношения подошли к концу лишь в 1970 г. с появлением в Соединенных Штатах новых глобалистских взглядов, порожденных курсом Ричарда Никсона (1969-1974), начавшего политику «малозаметного присутствия» во всей Латинской Америке. В это же время мексиканское руководство наконец осознало, что статуса ближайшего латиноамериканского соседа США уже оказалось недостаточно для того, чтобы обеспечить себе преимущественное отношение со стороны Вашингтона. Именно это стало толчком к последующей диверсификации внешних связей, ставшей отличительной чертой нового активного этапа мексиканской внешней политики.

Во внешнеполитическом курсе Вашингтона последних десятилетий XX в. все более явным становилось развитие гегемонистских устремлений. Несмотря на «нефтяную карту» – важный козырь в руках мексиканцев, в ведущихся переговорах администрация Рональда Рейгана (1981-1989) уже не была столь толерантна при расхождении во взглядах с мексиканской стороной. Во время нахождения у власти Мигеля де ла Мадрида (1982-1988) отношения между Мексикой и Соединенными Штатами вновь стали особыми, но уже благодаря конфликтам и высокой степени напряженности, сравнимой лишь с периодом после окончания вооруженной фазы мексиканской революции в 1917 г.

Несмотря на наличие различных теоретических концепций, посвященных изучению мексикано-американских отношений, между ними существует принципиальная точка консенсуса, заключающаяся в том, что все они признают наличие у Соединенных Штатов неизменного стратегического интереса к сохранению внутренней стабильности Мексики.

Широкую известность получила концепция парадокса пропасти, разработанная в 1986 г. мексиканским дипломатом и политологом К. Рико Ферратом²⁷. Согласно ей на протяжении всего XX в. самые острые моменты внутренних кризисов в Мексике ни разу не совпали с обострением мексикано-американских отношений. Несмотря на очевидно непростое партнер-

²⁶ Meyer L. México-Estados Unidos: lo especial de una relación. En México-Estados Unidos, México, El Colegio de México, 1984. P. 30-68; Schia-von J. La relación especial México-Estados Unidos: cambios y oportunidades y en la guerra y posguerra fría. México, CIDE, 2006. (documento de trabajo DEI-135).

²⁷ Rico Ferrat C. Aportaciones de un internacionalista mexicano. México, SRE, CIDE, El Colegio de México, 2012. P 36.

ство со своим южным соседом, Соединенные Штаты все же не были готовы дать последний толчок Мексике, когда та уже находилась на грани «падения в пропасть»²⁸.

В соответствии с теорией, разработанной исследователями П. Г. Олвера и И. С. Капильо, Вашингтон был заинтересован в защите страны-должника, отталкиваясь исключительно от своих экономических выгод²⁹. Дальнейшее развитие эти идеи получили в рамках концепции, предложенной политологом Л.Г. Соуса, в соответствии с которой США заинтересованы в защите не внутренней стабильности Мексики, а прежде всего удобного им режима постепенного развития капитализма. А мексиканским лидерам при выстраивании своего внешнеполитического курса всегда требуется учитывать высокую степень заинтересованности Вашингтона в поддержании внутренней стабильности Мексики, даже в те моменты, когда степень враждебности и агрессии в двустороннем диалоге достигает предела³⁰.

Следуя постулатам школы неореалистов, мексиканские политологи Г. Гонсалес и М. И. Студер 110гее определяют отношения между Мексикой и Соединенными Штатами в начале XXI в. как сеть транснациональных и трансграничных альянсов, обладающих следующими особенностями: методично растущая степень участия в них субъектов как мексиканского, так и североамериканского гражданского общества; сокращение количества вопросов, которые попадают под непосредственный контроль правительств; а общий характер двусторонних отношений при этом подобен американским горкам, чьи циклы никогда не укладываются ни в мексиканские шестилетние президентские сроки, ни в американские четырехлетние³¹.

Мексиканских политологов, изучающих отношения Мексики и США с позиции описанного выше американского интереса, можно разделить на две группы. В первую вошли те, кто рассматривает его как продвигаемый со стороны единоличного актора, эгоистично преследующего свои стратегические цели. Вторая группа рассматривает этот интерес уже как совокупность целой серии частных интересов, принимая во внимание все множество различных политических и социальных групп североамериканского общества. А позиция Белого дома выступает в роли лишь одного из многочисленных факторов, влияющих на выстраивание внешней политики Соединенных Штатов.

Важно отметить, что в большинстве мексиканских внешнеполитических исследований как конца XX в., так и первых десятилетий XXI в. роль ведущего ориентира неизменно приписывалась именно отношениям с Соединенными Штатами. При этом в самих США изучению отношений с Мексикой приоритетное значение не придавалось никогда. В связи с этим важным представляется понятие асимметрии силы, порожденной естественными причинами и обстоятельствами и существующей между сверхдержавой – США и гораздо более слабой страной – Мексикой, которой периодически преувеличенно приписывалось положение региональной державы средней силы. На основе сложившейся асимметрии выстроилась концепция, которая рассматривает категории приоритетного и второстепенного, отталкиваясь от различных пониманий национального интереса. Таким образом, для Мексики сохранение преимущественного значения складывающихся отношений с Соединенными Штатами подается как неизбежное. При этом для Вашингтона все, что связано с Мексикой, имеет далеко второстепенное значение по сравнению с вопросами, касающимися России, Европы, Японии, Китая, а также стран Латинской Америки, уже традиционно имеющих принципиально стратегическое значение.

²⁸ *Rico Ferrat C.* Relaciones Mexico-Estados Unidos y la Paradoja del Precipicio. In Elizondo H. G., México, COLMEX, 1986. P 68.

²⁹ *Olvera P. G., Captillo I. C.* Perspectiva norteamericana de la posición de México ante Centroamérica // *Relaciones Internacionales*, UNAM, FCPS, núm. 38, enero-abril de 1987. P. 56-65.

³⁰ *Souza L. G.* La política exterior de México. México, 1999. P 56-65.

³¹ *González G., Studer Noguez M. I., Rico Ferrat C.* Aportaciones de un internacionalista mexicano. México, SRE, CIDE, El Colegio de México, 2012. P 136.

В заключение стоит отметить, что внешнеполитическая мысль в Мексике приобрела свои самостоятельные и независимые характеристики *sui generis*, которые нашли отражение в ряде принципов, концепций, теоретических и методологических подходов, отличных от других стран. Ведущие мексиканские исследователи единогласно отмечали, что главными особенностями внешней политики Мексики как в XX в., так и в начале XXI в. являются ее защитный и автономный характер, а также неизменное соблюдение международно-правовых принципов³². Подобный защитный характер стал следствием трагического опыта ряда иностранных вмешательств, всепроникающей роли отношений с Соединенными Штатами, а также постоянной необходимости укрепления как внутренней политической стабильности, так и повышения уровня социально-экономического развития страны. Важно и то, что ни одну из этих особенностей, даже частично, нельзя проследить во внешнеполитических курсах ни США, ни стран Европейского Союза. В этом контексте происходит прямая отсылка к теории перспективизма, согласно которой возможные пути развития государства рассматриваются с учетом занимаемого им места в природной и исторической реальности³³.

С другой стороны, эти особенности не мешали мексиканским политологам адаптировать к текущим потребностям их страны концепции и модели, вытекающие из марксистских теоретических традиций, а также из методологических разработок развитых стран, в особенности США. Подобная адаптация теоретических подходов, разработанных в других странах, в развивающихся в Мексике внешнеполитические концепции можно обнаружить в ряде направлений.

Во-первых, если обратиться к марксистской категории конкретной тотальности, важное значение приобретает формально-правовой подход к внешней политике, ставший уже традиционным. Важное место в развитии этого подхода занимают работы мексиканского политолога С. Р. Мендеса³⁴. В его исследованиях особое внимание уделяется важности закрепления внешнеполитических принципов в национальной конституции, а также изучению критериев корреляции между нормами международного права и целями, преследуемыми внешней политикой.

Во-вторых, оказанное влияние реалистического подхода с его трактовками власти и национального интереса среди многих других можно проследить в работах мексиканских ученых М. Охеда и Б. Мабира. В рамках политического реализма выделяются три концепции, оказавшие наибольшее влияние на развитие современной мексиканской внешнеполитической мысли: теория зависимости, теория сложной взаимозависимости и теория либерального институционализма.

Особое внимание мексиканских политологов уделялось развитию теории зависимости, разработанной еще в 1960-1970-х гг., целью которой ставилось преодоление социально-экономической стагнации в Латинской Америке, став своего рода ответом на теорию индустриализации и теорию развития. В основе теории зависимости лежат тезисы о двойственной природе отношений метрополий и сателлитов, а также об асимметричном характере и разрушительной структуре мировой экономики. Это напрямую затрагивает развивающиеся страны, которым поручена роль подчиненных – производителей сырья с низкой добавленной стоимостью. Руководствующими функциями, такими как принятие ключевых политических решений, присвоение наибольших выгод, а также промышленное производство с высокой добавленной стоимостью, наделяются немногочисленные высокоразвитые страны. Исследованию разных аспектов

³² Green R. México: la política exterior del nuevo regimen. En Foro Internacional, núm. 69, julio-septiembre de 2001. P 1; Pellicer O. Veinte años de política exterior mexicana: 1960-1980. En Foro Internacional, núm. 82, octubre-diciembre, 1980. P. 153; Ojeda M. La política exterior de México: objetivos, principios e instrumentos // Revista Mexicana de Política Exterior, núm. 2, enero-marzo de 1999. P 8.

³³ Ortega J. Obras Completas: Jose Ortega y Gasset, Tomo X (1949-1955). Taurus, Madrid, 2017. P. 1296.

³⁴ Méndez S. R. La celebración de los tratados, genealogía y actualidad constitucional. En Anuario Mexicano de Derecho Internacional. III, UNAM, México, 2001, Volumen I; Méndez S. R. Los problemas de un mundo en proceso de cambio: Encuentro de especialistas en asuntos internacionales. México, UNAM, 1977.

этой проблематики посвящены работы мексиканских политологов А. Э. Сесеньи и П. Гонсалеса Касановы³⁵. Активное развитие индустриализации, проходившее в XX в. в Мексике, наряду с другими крупнейшими государствами Латинской Америки, преподносилось населению руководством страны как «ключ к развитию». Вместе с тем, прикрываясь необходимостью модернизации экономики, страны-сателлиты постепенно становились переориентированными исключительно на экспорт сырьевых товаров, что в итоге неизбежно приводило к отсталости, архаичности и социальному регрессу. При этом именно мексиканскими исследователями были заложены основы концепции Индо-Америки, которая посредством социальных, расовых, этнических и культурных аспектов, а также распространения идей социалистического воспитания призывала к независимости латиноамериканских стран.

Мексиканский исследователь К. Рико Феррат рассматривает взаимоотношения между Мексикой и Соединенными Штатами через призму концепции сложной взаимозависимости. Согласно этой теории, наличие замысловатой взаимозависимости между государствами, важную роль в рамках которой играют неправительственные акторы, в итоге приводит к уязвимости всей современной международной системы. К. Рико Феррат подчеркивает необходимость объединения методологии теории международных отношений и политологии, позволяющего совокупно проанализировать и роль США в международной системе, и их внутреннюю политику, разделенных очень тонкой гранью. При оценке решений США, касающихся непосредственно Мексики, подобное объединение методологии представляется особенно актуальным ввиду растущего числа вопросов, в которых происходит слияние внутренней и внешней политики. А при рассмотрении таких межгосударственных проблем, как миграция и незаконный оборот наркотиков, следует учитывать множественность субъектов гражданского общества.

Концепция либерального институционализма получила свое развитие в мексиканской литературе, в первую очередь, применительно к двухсторонним отношениям Мексики и США. Согласно мнению бывшего советника президента Мексики по международным делам и специалиста по мексикано-американским отношениям Р. Фернандеса де Кастро, современные международные институты представляют собой «ряд постоянных и взаимосвязанных правил, которые ограничивают поведение и деятельность в рамках международной системы, стараясь учесть ожидания ее ключевых акторов»³⁶. Пришедшая в 1988 г. на смену реалистической концепции, через призму которой традиционно изучались отношения между Мексикой и Соединенными Штатами, теория институционализма стала способна разъяснить все сферы сотрудничества, имеющиеся между этими государствами. В первую очередь это касалось таких вопросов, как торговля, окружающая среда, трудовые отношения, а также законная и незаконная миграция, на которые стали распространяться двунациональные и многонациональные режимы.

Создание новых наднациональных структур контроля торговых отношений между государствами и появление международных институтов в рамках НАФТА привело к переопределению концепции суверенитета. Согласно мнению Х. И. Домингеса новоявленные учреждения оказались способны существенно улучшить обмен информации, облегчить контроль и минимизировать риски и степень неопределенности. При этом вероятность того, что все участвующие субъекты смогут достигнуть соглашений и будут придерживаться их, увеличивалась³⁷. Особые надежды на концепцию институционализма возлагались в отношении решения

³⁵ *Ceceña A. E. Industria maquiladora de exportación. Mexico, UNAM, 1991; Ceceña A.E. Producción estratégica y hegemonía mundial. Editorial Siglo XXI. Mexico, 1999; Casanova P. G. Las nuevas ciencias y las humanidades: de la academia a la política. Mexico, Anthropos, 2004.*

³⁶ *Fernández De Castro R. La institucionalización de la relación intergubernamental: una forma de explicar la cooperación. México, Weintraub, 2000. P. 70.*

³⁷ *Domínguez J. /Ampliando horizontes: aproximaciones teóricas para el estudio de las relaciones México-Estados Unidos. México, UNI, 1999. P. 339340.*

проблемы миграции, заведенной в тупик еще с середины XX в. Однако утверждения теории на практике нашли свое применение лишь в экономической, коммерческой и экологической сферах, вновь оставив нерешенным миграционный вопрос. Развитие концепции либерального институционализма, выразившее в появлении множества международных учреждений, в итоге поставило Мексику перед необходимостью пересмотра своих конституционных принципов, а также изменению традиций внешней политики, к чему та оказалась абсолютно не готова.

Таким образом, в исследованиях мексиканских политологов прослеживается специфическое отношение к ценностям, таким как автономия, независимость и права человека, порожденное как сложными историческими моментами, так и особенностями развития внешней политики. В их работах приводятся понятия, теории и концепции, отличные от ценностных императивов, ставших традиционными для Соединенных Штатов и Европы. Вопросы укрепления и поддержания автономии, достижения экономического и социального развития, являясь фундаментальными и приоритетным для развивающихся государств, у ведущих стран мира, как правило, не поднимаются вовсе. Это объясняет, почему в отличие от американских коллег мексиканские политологи в своих научных трудах уделяют столько внимания экономическим проблемам, вместо того чтобы отдавать предпочтение стратегическому планированию и эмпирическим исследованиям.

1.2. Приоритеты мексиканской внешней политики

Как отмечалось выше, новые подходы к внешней политике, а также важнейшие концепции и постулаты, разработанные мексиканскими учеными, неизменно вращались вокруг ряда стержневых ценностей, раскрывающих ее основные принципы и выявляющих ее особенности. В широком смысле принципы можно определить как нормы и фундаментальные идеи, которые управляют мышлением или поведением. То есть они являются нормативными представлениями о том, что является надлежащим или приемлемым поведением в определенной ситуации, учитывая конкретную национальную идентичность. Принципы внешней политики можно определить как язык, посредством которого страны сообщают другим международным субъектам, что именно они считают допустимым либо же неприемлемым.

В современном международном сообществе существуют определенные правила сосуществования между государствами, согласованные и четким образом закреплённые в ряде нормативных актов. Явным примером подобного выступает Устав Организации Объединенных Наций, принципы которого разделяются всеми государствами-членами. Однако выделяется ряд стран, которые, подобно Мексике, предпочли пойти дальше и включили в свои конституции внешнеполитические принципы, которых они придерживаются и защищают. Это является способом подчеркнуть важность, которой наделяются определенные стандарты поведения страны во внешней политике.

В мексиканских политологических исследованиях особое значение придается тезису о том, что государства должны автономно устанавливать основные принципы, определяющие их внешнюю политику, принимая во внимание ряд элементов внутреннего и международного характера. И, как правило, страны берут за основы те принципы международного поведения, которые созвучны с их политической, экономической и социальной эволюцией, а также с моделями развития общества и политической культурой – всем тем, что принято называть национальной идентичностью. Ярким примером вышесказанного выступает принцип самоопределения народов, ставший центральной ценностью в дипломатии стран, имеющих за плечами опыт колониальной зависимости. Кроме этого, он присутствует и в идеалистической вильсоновской концепции, ставшей неизменной частью либеральной политической культуры Соединенных Штатов.

С другой стороны, мексиканскими политологами подчеркивается, что принципы, признанные наиболее важными для страны, напрямую связаны с ее позиционированием в международной системе, с ее ролью и значимостью в мировой политике, а также ее геополитическим положением. Это проявляется в том, что малые страны, которые являются соседями крупных военных держав, особым значением наделяют именно принцип запрещения применения силы в международных отношениях. И несмотря на то, что принципы внешней политики влекут за собой соблюдение определенных обязанностей, раскрытие этих обязанностей всегда происходит под влиянием конкретных событий и внешних вызовов, с которыми сталкиваются страны в конкретные исторические моменты. Кроме того, принципы внешней политики неизменно эволюционируют, подстраиваясь под изменение национальных и международных условий: страны могут принимать новые, отвергать и удаляться от устаревших либо же переосмысливать их.

Важное место в мексиканской политической науке отводится тезису о том, что беспрековому следованию определенным принципам внешней политики присущ внутренний историзм. Поскольку принципы по своей природе являются открытыми концепциями, в отличие от законодательных норм, они должны быть четко истолкованы с тем, чтобы определить их истинное значение и применение в конкретных ситуациях. Законодательные нормы также могут быть истолкованы, но это носит, как правило, исключительный и более ограниченный характер. В свою очередь, формулировка внешнеполитических принципов позволяет, чтобы поли-

тические субъекты в ходе своей дипломатической практики актуализировали их содержание, идя в ногу с историческими реалиями. Мексиканскими исследователями делается вывод о том, что четкие принципы внешней политики по своей природе не являются ограничителями, не противореча демократическому тезису о том, что каждое избранное правительство может свободно осуществлять свой внешнеполитический курс. Скорее, они являются определяющими критериями.

Подобно принципам не являются абсолютно неизменными и внешнеполитические интересы, ввиду того, что они непосредственно зависят от международных условий, внутренней конъюнктуры и стратегических целей. Будучи материальными или идейными, фундаментальными или второстепенными, интересы предстают неизменной составляющей политики, способной меняться в зависимости от множества факторов. В мексиканской политологии на протяжении большей части XX в. категория национального интереса отождествлялась с концепцией «realpolitik», ссылаясь на защиту территории и национальной безопасности, во главе которой стояли цели выживания государства и достижение могущества. Согласно этой интерпретации, именно государство является единственным рациональным актором, тем, кто определяет интерес эгоистично. В итоге это приводит к противоречиям с интересами других государств.

К началу XXI в. в политологических исследованиях, развивающихся в Мексике, подобная концепция толкования национальных интересов перестала быть исключительной и доминирующей. Наоборот, мексиканская политология адаптировала тезис о том, что государства могут выстраивать свои национальные интересы посредством нахождения точек соприкосновения с интересами других стран или же с потребностями международного сообщества в целом. Иными словами, конфликт интересов не является абсолютно неизбежным. Ведь дипломатия – это не что иное, как переговоры для того, чтобы примирять, корректировать и согласовывать интересы стран. А интересы государств могут привести как к напряженности, так и к международному сотрудничеству.

Мексиканскими политологами подчеркивалось, что категория национальных интересов влечет за собой дополнительную трудность в определении того, кто же именно определяет этот интерес: государство или народ. Фундаментальные интересы делятся на национальные (внутренние) и внешнеполитические, которые зависят от сущности государства, а также от его положения в международной системе. Либеральные и нелиберальные страны неизменно преследуют различные политические цели. А международная деятельность государств с меньшей степенью самостоятельности всегда прежде всего отвечает интересам сверхдержав, располагающих большими ресурсами и ориентированными на самые разные регионы. При этом мексиканская внешняя политика исторически пыталась учитывать интересы множества акторов, правительственных и социальных, преследующих различные цели в международных отношениях. Но особенностью ее было то, что во главу неизменно ставились не эгоистичные интересы, а именно поиск общего блага.

В мексиканской политологии существуют различные мнения по поводу того, каковы же главные цели внешней политики Мексики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.